

**Государственное автономное профессиональное
образовательное учреждение Республики Бурятия
«Бурятский республиканский многопрофильный
техникум инновационных технологий»**

Борискина Е. В.

ТВОРЧЕСТВО

МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА

**МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ**

Борискина Е. В.

Учебное пособие предназначено для самостоятельной подготовки обучающихся ГАПОУ РБ «БРМТИТ» в рамках освоения дисциплины «Литература».

Борискина Е. В. – Северобайкальск: мини-типография ГАПОУ РБ «БРМТИТ», 40 страниц.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Введение.....	4
2. Жизненный и творческий и путь М. Ю. Лермонтова.....	5
3. Вопросы и задания для самостоятельной работы.....	15
4. Стихотворения для самостоятельного анализа.....	17
5. Перечень рекомендуемой литературы.....	27

Введение

Учебная дисциплина «Литература» относится к общеобразовательному циклу основной профессиональной образовательной программы по специальности СПО:

23.02.06 Техническая эксплуатация подвижного состава железных дорог.

Содержание рабочей программы учебной дисциплины определено Федеральным государственным образовательным стандартом среднего общего образования, примерной программой дисциплины «Литература» для профессиональных образовательных организаций, рекомендованной для реализации основной профессиональной образовательной программы СПО на базе основного общего образования с получением среднего общего образования.

Данные методические материалы предназначены для самостоятельной подготовки обучающихся при изучении раздела «Русская литература первой половины 19 века» по теме «Творчество М. Ю. Лермонтова» и включают теоретический материал, вопросы и задания для самоподготовки, произведения поэта для анализа, а также список рекомендуемой литературы.

ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ И ПУТЬ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА (1814-1841).

Когда в начале XX века интерес к творчеству и личности Михаила Юрьевича Лермонтова возродили поэты-символисты, Валерий Брюсов написал стихотворение «К портрету Лермонтова» (1900):

Ты нам казался сумрачным и властным,
Безумной вспышкой непреклонных сил;
Но ты мечтал об ангельски-прекрасном,
Ты демонически-мятежное любил!
Ты никогда не мог быть безучастным,
От гимнов ты к проклятиям спешил,
И в жизни верил всем мечтам напрасным:
Ответа ждал от женщин и могил!
Но не было ответа. И угрюмо
Ты затаил, о чем томилась дума,
И вышел к нам с усмешкой на устах.
И мы тебя, поэт, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
В твоих как будто кованных стихах!

Детство и юность поэта. Михаил Юрьевич Лермонтов родился в ночь со 2 (14) на 3 (15) октября 1814 года в Москве, в доме у Красных Ворот, недалеко от того места, где сейчас стоит памятник ему. Предки поэта по отцу происходили из древнего шотландского рода, легенда называет одним из них поэта-барда Томаса Лермонта. При первых царях династии Романовых Лермонтовы занимали видные должности, но к началу XIX века род обеднел. Отец поэта Юрий Петрович Лермонтов служил в кадетском корпусе в Петербурге, но в 1811 году вынужден был выйти в отставку и заниматься пришедшими в упадок делами имения.

Мать Лермонтова, Мария Михайловна, напротив, происходила из богатого и близкого ко двору рода Арсеньевых. Она умерла, когда ее сыну Михаилу было только три года. Память о матери, ее нежный образ на всю жизнь остались глубоко в душе Лермонтова. Он помнил звуки песни, которую она пела над его колыбелью, и утверждал, что, если бы когда-нибудь еще услышал эту песню, она произвела бы на него то же воздействие, что и в младенчестве.

Самым близким человеком, ангелом-хранителем поэта всю жизнь была его бабушка — Елизавета Алексеевна Арсеньева. Похоронив дочь, всю свою любовь она отдала внуку. Мальчик рос болезненным и слабым, был ограничен в играх и обычных детских шалостях, место которых заняли книги и ранние, не по годам взрослые размышления.

В 1825 году он впервые поехал с бабушкой на Кавказ. Воображение впечатлительного ребенка было поражено кавказскими пейзажами. Тогда же, как вспоминал потом поэт, пришло к нему и первое чувство любви: *«Я тогда еще ни о чем не имел понятия, тем не менее это была страсть сильная, хоть ребяческая; это была истинная любовь. И так рано!.. Эта загадка, этот потерянный рай — до могилы будут терзать мой ум! Иногда мне странно — я готов смеяться над этой страстью, но чаще — плакать. Говорят (Байрон), что ранняя страсть означает душу, которая будет любить священные искусства. Я думаю, что в такой душе много музыки».*

Домашним воспитанием юного Лермонтова, по обычаю того времени, занимались гувернантка-немка и гувернеры-французы, один из которых, бывший полковник наполеоновской армии, волновал воображение мальчика рассказами о великом императоре, победных походах французской армии и трагическом финале жизни человека, ставшего символом эпохи. В своем

творчестве Лермонтов не раз будет обращаться к образу Наполеона: «*Наполеон (Дума)*» (1829), «*Эпитафия*» (1829), «*Св. Елена*» (1831), «*Воздушный корабль*» (1840), «*Последнее новоселье*» (1841).

К пятнадцати годам Михаил Лермонтов владел немецким, французским и английским языками, умел играть на скрипке и фортепьяно, в нем пробудилась способность к живописи. До конца жизни он не переставал рисовать, написанные поэтом во время пребывания на Кавказе пейзажи и батальные полотна красноречиво говорят о его таланте художника.

В 1828 году домашнее воспитание окончилось, бабушка определила Лермонтова в Московский университетский благородный пансион, где он блестяще учился и писал стихи в школьный журнал. На стихи юноши обратили внимание педагоги. Этот этап считается началом творческого пути Лермонтова. Впрочем, про Михаила Юрьевича можно сказать, что он не стал поэтом, а родился им, настолько рано, ярко и оригинально проявился его талант. Любимыми поэтами его были В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, Дж.Г. Байрон и Ф. Шиллер, им он и подражал в своих первых опытах, причем наряду со стихами писал и крупные произведения: поэмы «Кавказский пленник» и «Корсар», драмы «Испанцы», «Люди и страсти», «Станный человек». Все три драматических произведения имеют ярко выраженный биографический характер, в них нашли отражения переживания, связанные с напряженной семейной обстановкой, враждой бабушки и отца. Сердце впечатлительного юноши разрывалось между двумя любимыми им людьми, а они не могли и не хотели примириться.

В 1831 году в разлуке с сыном умер отец поэта. Пережитая драма оставила глубокий след в душе и характере Лермонтова, он все больше погружался в свой внутренний мир, скрывая его от посторонних под маской беспечного веселья, шуток, иногда даже цинизма и сарказма. Только в стихах он был предельно откровенен. Глубокий субъективизм, интимность лирики Лермонтова подчеркиваются даже названиями стихотворений и их жанровым своеобразием: молитва, страница из дневника, письмо, монолог.

Темы, мотивы и образы ранней лирики Лермонтова (1830 — 1834). После двух лет обучения в пансионе Лермонтов поступил на словесный факультет Московского университета. Можно сказать, что в 16 лет он был уже вполне сформировавшейся личностью, к тому же отчетливо осознавал и свою гениальность, и непохожесть на других. Он жил в своем внутреннем мире, мало обращая внимание на то, что его окружало. Отношения со сверстниками и однокашниками складывались у него трудно, а в душе крепло осознание глобального, нечеловеческого одиночества, отчуждения от мира.

Один я здесь, как царь воздушный,
Странанья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушны,
Года уходят, будто сны;
<...>
Никто о том не покрутится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...
(«Одиночество», 1830)

В 1829 году в лирике Лермонтова появился образ Демона, который проходит через все его творчество. В этом образе воплотился неразрешимый конфликт мировоззрения поэта — конфликт между гармонией и хаосом, добром и злом, покоем и поиском. «Демоническая» гордость не дает лирическому герою смириться с существующим миропорядком, провоцирует на бунт и отрицание.

Как демон мой, я зла избранник,

Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой.
(«Я не для ангелов и рая...», 1831)

В это же время Лермонтов определяет и свой поэтический путь, особенности своего творческого «я»:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый изгнанник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
(«Нет, я не Байрон, я другой...», 1830)

Осознанием собственного несходства с другими, одиночества и отверженности определяется **трагическая тональность** творчества Лермонтова. Он как будто раз и навсегда убежден в невозможности обретения согласия с миром, людьми и самим собой.

С шестнадцати лет он задумывался о конечности земного существования: «Душа моя должна прожить в земной неволе». Душа словно постоянно помнит о том, как она была свободна и гармонична до того момента, когда обрела земную оболочку, ждет окончания своего «плена», чтобы снова стать свободной, уже навсегда. В то же время «земное» не отпускает человека, он оказывается во власти «жажды бытия», страстей, иногда веры в возможность счастья и чувствует себя виноватым, раскаивается в том, что совершает предательство, забывая о главном — божественном. В минуты внутреннего смятения лирический герой выражает свои сомнения в молитве.

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;

<...>

За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь.

(«Молитва», 1829)

Так определяется основной конфликт мироощущения поэта, зарождаются основные мотивы его лирики: **одиночество, самопознание, противоборство земных и небесных сил в душе человека, стремление к абсолютной свободе и отрицание действительности.**

Уже в ранних стихах М.Ю.Лермонтова трагическое содержание облекается в удивительно совершенную и гармоничную поэтическую форму. Стихи его тяготеют к афористичности, и это еще более подчеркивает наполняющее их эмоциональное напряжение.

Людей, близко знавших Лермонтова, поражало сочетание в нем противоречащих друг другу качеств: будучи с молодости в душе искренне разочарованным в жизни человеком, он в то же время умел наслаждаться благами жизни; презирая свет, он огорчался своими неудачами в нем. Он мог быть заносчиво высокомерен, дерзок и насмешлив, но вместе с тем выказывал сердечную отзывчивость, жаждал любви и понимания.

Московский период жизни Лермонтова принес ему любовь к Варваре Лопухиной, которой он остался верен до конца своих дней. Образом Лопухиной овеяно множество стихотворений, ей посвящена поэма «Демон». Она была уже помолвлена с другим и вскоре вышла замуж. Изначальная безнадежность этой любви внесла в лирику Лермонтова новые трагические оттенки.

В 1832 году поэт покинул Москву с целью продолжить обучение в Петербургском университете. Однако перспектива провести еще четыре года на ученической скамье испугала Лермонтова, как будто он чувствовал, какой краткий срок отпущен ему на земле, и торопился жить. Стремясь обрести независимость, он предпочел военное образование университетскому и поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, однако быстро разочаровался в своем выборе. Обстановка юнкерской школы подавляла в воспитанниках какие бы то ни было свободные проявления, дисциплина была строжайшей.

Не понравился Лермонтову и Петербург, и петербургское общество, которое он назвал «французским садом, узким и незамысловатым, но в котором с первого раза можно потеряться, до того хозяйские ножницы уничтожили в нем все самобытное».

В эти годы Лермонтов писал мало. В 1834 году он был произведен в корнеты лейб-гусарского полка, расположенного в Царском Селе. «Насмешливый, едкий, ловкий, вместе с тем полный ума самого блестящего, богатый, независимый, он сделался душою общества молодых людей высшего круга; он был запевалой в беседах, в удовольствиях, в кутежах, словом, всего того, что составляло жизнь в эти годы», — вспоминала близкая знакомая поэта графиня Ростопчина.

Жанровое и художественное своеобразие творчества М. Ю. Лермонтова петербургского периода (1834 —1837). Живя в Царском Селе и Петербурге, Лермонтов, наконец, вошел в литературные круги, начал активно публиковать свои произведения. Он закончил поэму *«Боярин Орша»*, повесть *«Тамбовская казначейша»* (1837—1838), создал множество стихов и самое яркое свое произведение тех лет — драму *«Маскарад»* (1835).

Творческий интерес поэта постепенно все более сосредоточивается на образе современника. Герой драмы — Арбенин — светский человек, в котором способность к глубоким чувствам и благородство сочетаются с разочарованностью и неверием. Он убежден, что знание законов, по которым живет свет, осознание порочности и лживости окружающего мира дает ему высокое, но заслуженное право судить и мстить за обман. Лицемерие, двуличность, искаженность человеческой природы скрываются за символом маскарада. В душах людей «преграда рушена между добром и злом», как говорит Арбенин. Считая себя судьей, герой не понимает, что сам становится жертвой интриги, он судит не порочный свет, а единственного чистого душой человека — свою обожаемую жену Нину. Кульминация драмы — убийство оклеветанной Нины обманутым, запутавшимся Арбениным. Герою кажется, что он одновременно и совершает правосудие, карая жену за грех, и спасает ее от грязи жизни, освобождает ее душу. Когда выясняется невиновность Нины и герой понимает, что совершил убийство, которое ничем нельзя оправдать, его система ценностей рушится. Теперь он имеет право судить только самого себя и расплачивается за свой грех безумием. Автор и сочувствует герою, и осуждает его, но еще очевиднее в драме звучит осуждение света, его порочности, пустоты и лживости.

Конечно, Лермонтов хотел видеть *«Маскарад»* на сцене, но цензура запретила пьесу к постановке.

В январе 1837 года на дуэли был смертельно ранен Александр Сергеевич Пушкин. Лермонтов откликнулся на трагедию стихотворением *«Смерть поэта»*. В первоначальном варианте текста нет последних шестнадцати строк, они были написаны позже, когда стало понятно, что убийца Пушкина и виновники интриги против поэта не будут наказаны, что им даже симпатизируют многие представители света и двора. По воспоминаниям одного из родственников, когда об этом зашел разговор в присутствии Лермонтова, он воскликнул: «Если над ними нет закона и суда земного, если они палачи гения, так есть Божий суд!»

Эти стихи стали вехой, отметившей новый этап в жизни и творчестве Лермонтова. Он был арестован и сослан на Кавказ в действующую армию.

Первая ссылка на Кавказ (1837). Новые мотивы лирики М.Ю.Лермонтова. Все пережитое заставило поэта по-новому взглянуть на себя и мир. Лермонтов осознавал, что вольно или невольно он теперь занял в глазах современников место покойного Пушкина. В том же году из-под его пера появились строки, в которых зазвучали новые настроения, в чем-то схожие с пушкинскими, как в стихотворении *«Молитва»* («В минуту жизни трудную...») (1839) или *«Когда волнуется желтеющая нива...»*. Для лирического героя Лермонтова подобное состояние гармонии с миром — краткий миг забвения, на смену которому снова явится чувство несовершенства бытия, тоска и одиночество.

Стихотворение *«Молитва»* («Я, Матерь Божия...») (1837) посвящено Варваре Лопухиной. Исследователь творчества Лермонтова Н.О.Лосский писал: *«И этот Лермонтов обладал высокой способностью религиозного опыта. Он воспринимал иногда природу так, как видят ее странники с чистым сердцем, созерцающие в ней славу Божию. <...> Глубокая религиозность Лермонтова выразилась в молитве его: «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...» к «Теплой заступнице мира холодного».* Поэт верит в то, что Матерь Божия услышит его молитву и защитит любимого человека, но не его самого; за свою «душу пустынную» он не молится, не пытается умалить испытаний и страданий, уже выпавших на его долю, и избежать тех, которые еще предстоят.

Интересно, что оба стихотворения были созданы, когда Лермонтов находился под арестом в ожидании высылки на Кавказ, и записаны по воспоминаниям друга и биографа поэта А. П. Шан-Гирея на серой бумаге, в которую заворачивали хлеб, с помощью вина, печной сажи и спички.

В жизни Лермонтова происходит то, что раньше он переживал только в воображении: арест, ссылка, положение изгнанника, которому нет места в мире. Появляются все основания еще более презирать этот мир, но в то же время лирический герой поэта начинает видеть себя как бы со стороны, чувствовать свою принадлежность к эпохе и поколению: «Печально я гляжу на наше поколенье...» (*«Дума»*, 1838).

Осознание того, что и его коснулось растлевающее дыхание времени, трагично для героя. Жизнь представляется бессмысленной и бесплодной. Эти мысли найдут отражение и в романе «Герой нашего времени», в «Дневнике Печорина», как воплощение коллективного сознания поколения: «Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?... А верно она существовала, и, верно было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений — лучший цвет жизни».

Возвращение в Петербург. Идейно-художественные особенности лирики М.Ю.Лермонтова (1838—1840). Благодаря хлопотам бабушки Лермонтов недолго пробыл в ссылке; в конце 1837 года его перевели в Гродненский полк, расквартированный недалеко от Петербурга, а весной 1838 года разрешили вернуться в Царское Село. Поэт привез с Кавказа множество наблюдений и замыслов. Пребывание в Тамани и Пятигорске послужило основой для глав из романа «Герой нашего времени», работа над которым уже была начата.

К этому же периоду относится и поэма *«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»* (1837). Легендарный сюжет облекается в форму народной поэзии, все герои выглядят эпически широкими натурами, и у каждого — своя правда, свои жизненные и нравственные ценности. Так проявляется новая черта творчества Лермонтова — объективный авторский взгляд, отсутствие однозначной авторской оценки.

С 1837 года как будто началось прощание Лермонтова с героями ранней романтической лирики, с юношеским субъективизмом. В стихотворении *«Бородино»* (1837) поэт обращается к событиям войны 1812 года, но в нем отсутствует любимый образ Наполеона и акценты расставлены

по-другому: читатель слушает простого русского солдата и его незамысловатый рассказ пробуждает чувство гордости за силу духа народа-победителя.

Меняется тональность любовной лирики Лермонтова. Если в ранних произведениях отвергнутый герой находится во власти своей «демонической» гордости, бросает возлюбленной упреки («К***») («Я не унижусь пред тобой...») (1832), «*Молитва*» («Не обвиняй меня, Всесильный...») (1829)), то в стихотворении «*Оправдание*» (1841) он с сожалением и тихой грустью вспоминает свою любовь, просит у возлюбленной прощения за причиненные страдания. В то же время Лермонтов возвращается к герою, которому тесен мир, но трагедия такого героя осмысливается более широко. В его последних поэмах «*Мцыри*» и «*Демон*» конфликт личности и мира приобретает космический масштаб.

Одинокость героя поэмы «*Мцыри*» (1837) — это абсолютное одиночество человеческой души, которой нет места в мире. Ни в монастыре, ни на свободе, ни рядом с людьми, ни в единении с природой такая душа не может найти себе пристанища. И она уходит туда, где и есть ее настоящая родина — в вечность, во Вселенную.

Конфликт поэмы «*Демон*» (1839) разворачивается в космических декорациях. Образ Демона — один из центральных в поэтике романтизма; под именем Сатаны, Люцифера, Мефистофеля он возникал в произведениях Дж. Мильтона, Дж. Г. Байрона, И.В.Гёте, А.С.Пушкина, не раз появлялся и в стихах самого Лермонтова. В.Г.Белинский писал: «Демон не пугал Лермонтова: он был его певцом». Демон у Лермонтова является не олицетворением вселенского зла, а «царем познания и свободы». Он — падший ангел, изгнанный из рая, наказанием ему служат вечное одиночество, отрицание, сомнение и скука. Ему тесны рамки собственного существования, все представляется мелким и ничтожным. Демона преследуют воспоминания об утраченной божественной красоте и гармонии, тяготит невозможность достойного применения своих сверхъестественных сил.

И я людьми недолго правил.
Греху недолго их учил,
Все благородное бесславил
И все прекрасное хулил;
Недолго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...
А стоили ль трудов моих
Одни глупцы да лицемеры?

Демон наблюдает земную жизнь с двойственным чувством. С одной стороны, с высоты своего бессмертия он испытывает презрение к людям, чья жизнь столь быстротечна, но с другой — зависть, ведь эта короткая жизнь полна чувств, красоты, а его бессмертие пусто и однообразно. Желание познать полноту и яркость жизни рождает в нем и желание добра, примирения, раскаяния.

Полюбив Тамару, Демон по-новому видит мир, ощущает в себе пробуждение тех чувств, которые, казалось, навсегда утратил с момента своего низвержения: «И вновь постигнул он святую | Любви, добра и красоты!»

Демону кажется, что его любовь к Тамаре и ее ответное чувство могут вернуть его «добру и небесам». Но Демон — создание не земное, он принадлежит к чуждым силам и не может изменить свою природу. Любовь не мешает ему творить зло, наоборот, становится причиной убийства жениха Тамары. Ради осуществления своих желаний Демон не останавливается ни перед чем.

Противоречива не только натура героя, его внешний облик также является отражением борьбы света и тьмы, гармонии и хаоса. Впервые он предстает перед Тамарой прекрасным и чарующим: «Он был похож на вечер ясный: | Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!..» Таким же очарованием обладает и его песня.

Тамара страшится любви Демона: ее вера не позволяет любить его, сладкие слова пугают, обещания не привлекают, даже смерть представляется ей лучшим уделом, чем его любовь. Честен ли Демон с Тамарой, искренно ли говорит о раскаянии, о стремлении к добру? Или она еще одна его жертва, самая прекрасная и самая желанная именно из-за того, что ее душу трудно соблазнить и погубить?

Когда уже не на земле, а в небесных сферах разворачивается битва за душу Тамары, Демон предстает в ином обличье — в качестве «зла природы»:

Каким смотрел он злобным взглядом,
Как полон был смертельным ядом
Вражды, не знающей конца, —
И веяло могильным хладом
От неподвижного лица.

Ангел спасает душу Тамары, а Демон оказывается вновь повержен. Раз и навсегда установленный божественный порядок не может быть нарушен, Демону нет пути назад, его судьба давно определена.

Финал поэмы близок по звучанию финалу «Мцыри»: человеческие страсти, трагедии, поиски стираются Вечностью, уходят в небытие. Бессмертная и безразличная ко всему природа побеждает брэнность человеческих чувств и порывов, как силы гармонии побеждают силы хаоса. Это одновременно и утверждение миропорядка, и констатация бесплодности попыток что-либо изменить.

Все исследователи отмечают как сложность и многозначность поэмы «Демон», так и ее безусловное поэтическое совершенство. Поэма в целом и каждая отдельно взятая ее строфа представляют собой шедевр русской поэзии.

Пребывание в Петербурге было тягостно для Лермонтова. Он пытался подать в отставку, уйти в отпуск, просил о переводе обратно на Кавказ — на все просьбы командование отвечало отказом. Будучи в центре внимания общества, он чувствовал себя глубоко одиноким. Усугублялось ощущение пустоты и бесцельности существования, иллюзорности чувств и стремлений, которое выражалось в горьких стихах: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, - Такая пустая и глупая шутка...» («*И скучно и грустно!*», 1840).

Вот как вспоминает о встречах с поэтом в это время Иван Сергеевич Тургенев:

<...> В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно темных глаз. Их тяжелый взор странно не согласовался с выражением почти детских, нежных и выдававшихся губ. <...> Внутренне Лермонтов, вероятно, скучал глубоко, он задыхался в тесной сфере, куда его втолкнула судьба. <...>

На бале Дворянского собрания ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки: одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества...

Упомянутый бал, как и множество таких же балов, на которых слышится «дикий шепот затверженных речей» и мелькают «приличьем стянутые маски», описан Лермонтовым в стихотворении «*Как часто, пестрою толпою окружен...*» (1840).

В первых строфах стихотворения возникает уже знакомый читателю образ маскарада: «образы бездушные людей», «блеск суеты». Сознание лирического героя стремится убежать из этого мира лжи, суеты и тщеславия в прошлое, в годы детства. В его воображении возникают прямо противоположные образы, нежные, чистые, искренние, как «свежий островок». Он вспоминает, какое наслаждение испытывала душа от одинокого созерцания лунной ночи, от влюбленности в

«мечты моей созданье», от того чувства гармонии мира, которое уже никогда не вернется. Диссонанс между мечтой и действительностью так разителен, что заставляет лирического героя быть злым и беспощадным к «приличьем стянутым маскам». Его оружие против них — «железный стих, облитый горечью и злостью».

На основе композиционного приема противопоставления построено и стихотворение «*Поэт*» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...») (1838). В нем Лермонтов вновь обращается к размышлениям о месте и роли поэта в обществе. Стихотворение отличается высоким пафосом, употреблением слов яркой стилистической окраски. Первая часть посвящена описанию кинжала, рассказу о его славном воинском прошлом, контрастом которому является настоящее: «Игрушкой золотой он блещет на стене — Увы, бесславный и безвредный!»

По аналогии с судьбой кинжала строится вторая часть стихотворения — воспоминания о высоком назначении поэзии и сожаления об утрате ею своего места в общественной жизни. Говоря о славном прошлом, поэт обращается к героической истории древнего Новгорода, сравнивает поэзию с колоколом, который возвещал о «торжествах и бедах народных». Лермонтов подчеркивает, что в прошлом поэт был властителем дум, обладал властью над мыслями и чувствами, мог призвать народ на подвиг. В настоящем же поэт «свое утратил назначенье», «на злато променяв» свой пророческий дар. Образ Пророка появляется в последней строфе, продолжая тему одноименного пушкинского стихотворения, возрождая в памяти строки о назначении поэзии: «Глаголом сечь сердца людей».

На одном из балов в феврале 1840 года Лермонтов поссорился с сыном французского посланника Э. де Барантом. Состоялась дуэль, на которой поэт был ранен. Последовал арест и повторный перевод поэта на Кавказ в действующую армию.

Находясь под арестом, Лермонтов написал стихотворение «*Журналист, Читатель и Писатель*» (1840). По форме и держанию стихотворение напоминает пушкинский «Разговор книгопродавца с Поэтом», и его тоже можно отнести к стихотворениям-размышлениям о месте литературного труда в жизни общества. Произведение имеет форму диалога, а ремарка, с которой оно начинается, привносит в стихотворение элемент драматургии. Диалогичность подчеркивается и тем, что написано стихотворение лаконичным, легким, простым языком, имитирующим разговорную речь.

Композиционно стихотворение состоит из двух частей. Первая представляет собой спор Читателя с Журналистом, в котором оба высказывают свои точки зрения на состояние современной словесности.

Вторая композиционная часть начинается, когда в диалог повторно вступает Писатель. Первые строки его речи — реминисценция из пушкинского стихотворения «Осень», в них поэт описывает минуту прихода вдохновения, «когда и ум, и сердце полны». Но плоды вдохновения, по убеждению писателя, «осмеет, забудет свет», поэтому «...эти странные творенья | Читает дома он один, | И ими после без зазренья Он затопляет свой камин».

Не только вдохновение может водить рукой автора, иногда строки писателю «Диктует совесть, | Пером сердитый водит ум». Но тогда из-под пера выходят «картины непривлекательные, «картины хладные разврата», их нельзя показывать «неприготовленному взору».

Пушкин призывал свою музу: «Хвалу и клевету приемли равнодушно». Поэт у Лермонтова слишком чуток к отношению света, в этом — его трагедия и причина его замкнутости и молчания.

Вторая ссылка на Кавказ. Идеино-художественное своеобразие произведений последних лет. Лермонтов покинул Петербург без сожаления. Друзья устроили поэту проводы на квартире Карамзиных, в этот вечер Лермонтов экспромтом написал и прочитал собравшимся стихотворение «*Тучи*». Им заканчивается первое издание сочинений Лермонтова, вышедшее в конце 1840 года. Тогда же был полностью напечатан и роман «*Герой нашего времени*». Действие

романа, как и действие большинства поэм М. Ю. Лермонтова, происходит на Кавказе, но Кавказ перестает быть для писателя и читателя романтическим оазисом, теряет свою поэтическую привлекательность; пожалуй, только образ Бэлы по-прежнему окружен романтическим ореолом. То же самое, по сути, происходит и с образом главного героя, только его деромантизация намного сложнее и глубже. Печорин — один из самых противоречивых героев русской литературы, его оценки полярно противоположны: от благородного «страдающего эгоиста» до безнравственного чудовища. Его называют «странным» все, с кем сводит его судьба. Лермонтов, придав своему герою обобщенные черты поколения, все же сделал его личностью абсолютно уникальной: Печорин не только совершает демонические, сверхчеловеческие поступки, но и оценивает их, себя и окружающий мир так, как простой человек оценить не в состоянии.

Роман «Герой нашего времени» не только о герое, но и о времени. На его страницах оживают картины и типы из самых разных областей современной автору жизни: быт и обычаи горцев, светские люди и страсти, образ жизни и психология военного человека, природа и многое другое. В романе нашли отражение все темы и мотивы лирики М. Ю. Лермонтова.

В лирике Лермонтова последних лет появились новые жанры: лирические новеллы — «*Дары Терека*» (1839), «*Пленный рыцарь*» (1840), «*Три пальмы*» (1841); стихотворения-притчи — «*Листок*», «*Утес*» (1841); авторизованный перевод баллады австрийского поэта И. К. фон Цейдлица «*Воздушный корабль*».

Во время пребывания на Кавказе Лермонтов участвовал в военных действиях, иногда, по воспоминаниям служивших с ним офицеров, проявляя храбрость, граничащую с безумством, словно испытывая судьбу. За героическое поведение в бою при реке Валерик командование представило Лермонтова к высокой награде — ордену Св. Владимира VI степени. Вот как говорится об этом в донесении:

Тенгинского пехотного полка Лермонтов во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшей для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы.

Этот бой поэт описал в стихотворении «*Валерик*» (1840). Традиционна для лирики Лермонтова двухчастная композиция этого стихотворения, жанр которого можно определить как послание. Первая часть отчетливо перекликается с любовной лирикой поэта, в ней звучат все те же мотивы разочарования, неразделенного чувства, внутреннего опустошения и вынужденного смирения перед ударами судьбы, отчуждения лирического героя от жизни, которой живут другие. Но в звучании этих признаний появляются новые, ироничные нотки, герой, соприкоснувшись с настоящей опасностью и близостью смерти в бою, наминает по-иному смотреть на свои любовные невзгоды и неудачи в свете.

Совсем другую интонацию имеет вторая часть стихотворения, в которой описано сражение. Поэтическая речь движется динамично, текст словно пропитан энергией боя, лирический герой описывает события реалистически подробно. Временами в повествовании появляются такие истинно трогательные моменты, как рассказ о гибели капитана и скорби его боевых товарищей. Становится понятно, что скупое проявление горя людей, чьи души закалены постоянной близостью смерти, а преданность друг другу доказана не словом, а делом, и есть настоящее чувство, которого не знают и не могут понять завсегдатаи светских салонов. Лирический герой и не рассчитывает на то, что будет понят адресатом: «Свой ум вы не привыкли мучить | Тяжелой думой о конце». Он словно бы перерастает узость и ограниченность того мира, который остался для него в прошлом...

Но невозможно залечить раны, нанесенные этим миром, невозможно забыть чувства, связывающие героя с ним.

Лермонтов так и не получил награду за бой при реке Валерик, высшее командование не хотело отличать строптивного офицера.

Пессимистические настроения в лирике Лермонтова этого периода усиливаются, все чаще поэт возвращается к теме смерти, будто торопит ее, обращаясь к Богу со словами, в которых одновременно звучат и горечь, и злая ирония:

За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей,
За жар души, растроченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.
(«Благодарность», 1840)

Вместо ордена Лермонтов получил двухмесячный отпуск и в начале 1841 года в последний раз приехал в Петербург. Друзья заметили в его состоянии перемену к лучшему, как будто близость смерти разбудила в нем желание жить. Он строил множество планов, говорил о решении добиться отставки и полностью посвятить себя литературному труду. Однако очень скоро пришлось еще раз убедиться в том, что судьба не оставляет ему шансов: пребывание поэта в Петербурге было нежелательно для военного начальства, он получил приказ срочно покинуть столицу. Во время прощального ужина, устроенного друзьями, поэт был мрачен и много говорил о своей близкой смерти.

Одно из последних стихотворений Лермонтова — *«Пророк»* (1841); в нем развивается тема пушкинского «Пророка»: тот, кому дано свыше «глаголом жечь сердца людей», не имеет права молчать. Однако пророк у Лермонтова, скорее, повторяет судьбу пушкинского «свободы сеятеля пустынного», он не понят, гоним и презираем. Он страдает от обретенного дара всеведения, потому что видит в сердцах людей только злобу и пороки. Лермонтов приходит к выводу, что современному обществу не нужны «любви и правды чистые ученья», поэта-пророка объявляют глупцом, избавляются от него так же, как свет старался избавиться от самого Лермонтова.

Тогда же поэт создал стихотворение *«Родина»* (1841), в котором гражданский пафос соединяется с лирическим иррациональным «люблю». Как антитеза ему выступает *«Прощай, немытая Россия...»*: с одной стороны, «страна рабов, страна господ», с другой — «но я люблю — за что, не знаю сам». А дальше следует описание, одновременно и реалистическое, и глубоко поэтическое:

Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень...

В стихотворении *«Выхожу один я на дорогу...»* (1841) лирический герой по-прежнему одинок, но его одиночество уже не трагично, а величественно. Человек наедине со Вселенной ощущает себя ее частью, готов раствориться в ней. Душа как будто снова вспомнила, откуда она пришла в мир. В стихотворении звучит не мотив смирения, в нем — откровение, прозрение. Лирический

герой почти в точности повторяет пушкинскую формулу «На тете счастья нет, но есть покой и воля»: «Я ищу свободы и покоя! Я б хотел забыться и заснуть!»

По дороге к месту службы Лермонтов по причине болезни остановился в Пятигорске. Он проводил время в местном обществе, где встретил своего бывшего приятеля по Школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров Николая Мартынова. По воспоминаниям людей, бывших свидетелями последних недель жизни поэта, он много работал и в то же время чувствовал какую-то безудержную потребность в веселье, кутежах и шалостях, которые шокировали общество. Образовался круг людей, настроенных по отношению к нему враждебно, среди них оказался и Мартынов. Очередная стычка между ним и Лермонтовым окончилась вызовом на дуэль. Почему-то никто не воспринял этот вызов серьезно, и до последнего момента все надеялись на благополучный исход и примирение противников. По свидетельству друзей, Лермонтов говорил, что у него не поднимется рука стрелять в Мартынова и что он выстрелит в воздух. Дуэль произошла 15 июля 1841 года у подножия горы Машук. Лермонтов, стоящий с поднятым вверх дулом пистолетом, был убит выстрелом в грудь навывлет.

Князь А.И.Васильчиков, один из секундантов, описал последние мгновения жизни поэта:

В эту минуту я взглянул на него и никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом направленного на него пистолета. Вероятно, вид торопливо шедшего и I долившего в него Мартынова вызвал в поэте новое ощущение. Лицо приняло презрительное выражение, и он, все не трогаясь с места, вытянул руку вверх, по-прежнему вверх же направляя дуло пистолета. «Раз... Два... Три!» — командовал между тем Глебов. Мартынов уже стоял у барьера. Я отлично помню, как Мартынов повернул пистолет курком в сторону, что он называл «стрелять по-французски». В это время Столыпин крикнул: «Стреляйте! или я разведу вас!»... Выстрел раздался, и Лермонтов упал как подкошенный, не успев даже схватиться за больное место, как это обыкновенно делают ушибленные или раненые.

Мы подбежали... В правом боку дымилась рана, в левом сочилась кровь... Не разряженный пистолет оставался в руке...

...Черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонте, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пели вечную память новопреставленному рабу Михаилу...

Незадолго до гибели поэт с ужасающей точностью воспроизвел картину собственной гибели в стихотворении «Сок» («В полдневный жар в долине Дагестана...») (1841).

Похороны Михаила Юрьевича Лермонтова состоялись 17 июля на кладбище Пятигорска без воинских почестей, но при огромном скоплении людей, пришедших проститься с поэтом. Весной 1842 года его прах был перевезен в имение Тарханы и погребен рядом с могилой матери.

Вопросы и задания для самостоятельной работы.

1. Определите основные этапы творческого пути поэта и относящиеся к ним произведения. Составьте таблицу «Хроника жизни и творчества М. Ю. Лермонтова».
2. Прочитайте стихотворение М. Ю. Лермонтова «Дума». Как вы понимаете смысл названия стихотворения? В чем поэт упрекает своих современников? Справедливы ли его упреки? Обоснуйте свой ответ. Почему в стихотворении «Дума» право судить свое поколение Лермонтов отдает потомкам? Какими он видит их?
3. Прочитайте стихотворение «Нет, я не Байрон, я другой...». Как характеризует себя лирический герой? Каким представляется ему собственный жизненный и творческий путь?
4. Прочитайте и проанализируйте стихотворение «Молитва» («Я, Матерь Божия...»). Как вы думаете, почему поэт обращает свою молитву не к Богу, а к Божьей Матери? Объясните

строки: «Не за свою молю душу пустынную, | За душу странника в свете безродного...». Что просит лирический герой для своей любимой? Почему он не просит этого для себя?

5. Прочитайте стихотворение Лермонтова «Молитва» («В минуту жизни трудную...»). Какие образы, мотивы, настроения в нем перекликаются со стихотворением «Молитва» («Я, Матерь Божия...»)?
6. Прочитайте стихотворение «Поэт». В чем, по мысли автора, состоит назначение поэта? Почему автор считает, что в современном ему обществе поэзия утратила свое высокое назначение? Объясните лежащее в основе стихотворения сравнение поэзии с кинжалом.
7. Обратитесь к стихотворению «Валерик». На какие две композиционные части оно делится? Почему стихотворение написано в форме письма? Можно ли назвать его первую часть любовным посланием? Обоснуйте свой ответ. Как во второй части стихотворения поэт рисует картину боя? Сравните ее с отрывком донесения о Лермонтове, приведенным в главе учебника. Какие реалии отразились в стихотворении? Какие чувства вызывает у читателя вторая часть стихотворения? Благодаря чему достигается такой эффект?
8. Прочитайте поэму «Демон». На какие две композиционные части делится поэма? Какое значение для понимания имеет такое деление?

Выделите в поэме фрагменты, в которых даются характеристика и описание Демона. Какие черты героя подчеркивает автор? Сопоставьте описание Демона в момент появления перед Тамарой и в момент борьбы с Ангелом за ее душу. Какой из обликов героя, на ваш взгляд, является истинным? Каково, по-вашему, отношение автора к герою? Выразительно прочитайте диалог Демона и Тамары. На что в речах Демона вы обратили особое внимание? Почему? Вызывают ли они доверие? Обоснуйте свой ответ. Почему Тамара все же оказывается во власти Демона? Чем ему удастся сломить ее сопротивление? Почему, познав любовь Демона, Тамара умирает? Возможен ли иной исход этого конфликта? Обоснуйте свой ответ. Почему душа Тамары все же оказывается спасена? Найдите в тексте поэмы пейзажные зарисовки. Какую роль они играют в понимании идеи поэмы?

Согласны ли вы с утверждением, что образ Демона — один из центральных в творчестве М. Ю. Лермонтова? Обоснуйте свой ответ.

9. Используя дополнительную литературу и материалы Интернета, подготовьте презентацию на одну из предложенных тем:
 - «Кавказ в судьбе и творчестве М. Ю. Лермонтова»;
 - «М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников»;
 - «М.Ю.Лермонтов-художник».

Стихотворения М. Ю. Лермонтова для анализа

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!
Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли
Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына;
Над промотавшимся отцом.

Нет, я не Байрон, я другой,
 Еще неведомый избранник,
 Как он, гонимый миром странник,
 Но только с русскою душой.
 Я раньше начал, кончу ране,
 Мой ум не немного совершит;
 В душе моей, как в океане,
 Надежд разбитых груз лежит.
 Кто может, океан угрюмый,
 Твои изведать тайны? Кто
 Толпе мои расскажет думы?
 Я - или бог - или никто!

МОЛИТВА

Я, мать божия, ныне с молитвою
 Пред твоим образом, ярким сиянием,
 Не о спасении, не перед битвою,
 Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
 За душу странника в свете безродного;
 Но я вручить хочу деву невинную
 Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
 Дай ей сопутников, полных внимания,
 Молодость светлую, старость покойную,
 Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
 В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
 Ты воспрять пошли к ложу печальному
 Лучшего ангела душу прекрасную.

МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
 Теснится ль в сердце грусть:
 Одну молитву чудную
 Твержу я наизусть.
 Есть сила благодатная
 В созвучье слов живых,
 И дышит непонятная,
 Святая прелесть в них.
 С души как бремя скатится,
 Сомненье далеко —
 И верится, и плачется,
 И так легко, легко.

ПОЭТ

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного востока.
Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу,
Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.
Он взят за Терекот отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина,
Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...
В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговеньи?
Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.
Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.
Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блески и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны.
Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда, на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?
Это случилось в последние годы могучего
Рима,
Царствовал грозный Тиверий и гнал христиан беспощадно;
Но ежедневно на месте отрубленных ветвей, у древа
Два дня и две ночи,—
Так она говорила,— мы наших богов неотступно
Молим во храмах и жжем ароматы на мраморе
хладном,
Золото сыплем жрецам их, и плачем,— но все

бесполезно! Если бы знал ты Виргинию нашу,
то Церкви христовой юные вновь зеленели побеги,
В тайной пещере, над Тибром ревушим,
скрывался в то время
Праведный старец, в посте и молитве свой век
доживая?
Бог его в людях своей благодатью прославил.
Чудный он дар получил: исцелять от недугов
телесных
И от страданий душевных.
Рано утром, однажды,
Горько рыдая, приходит к нему старуха простого
Звания,— с нею и муж ее, грусти безмолвной
исполнен,
Просит она воскресить ее дочь, внезапно во
цвете Девственной жизни умершую...
— «Вот уж жалость стеснила б
Сердце твое, равнодушное к прелестям мира!
Как часто
Дряхлые старцы, любясь на белые плечи,
волнистые кудри,
На темные очи ее, молодели; и юноши страстным
Взором ее провожали, когда, паисная простую
Песню, амфору держа над головою осторожно,
тропинкой
К Тибру спускалась она за водою... иль в пляске,
Перед домашним порогом, подруг побеждала
искусством,
Звонким, ребяческим смехом родительский слух утешая...
Только в последнее время приметно она
изменилась;
Игры наскучили ей, и взор отуманился думой;
Из дому стала она уходить до зари,
возвращаясь
Вечером темным, и ночи без сна проводила...
При свете
Поздней лампы я (видела раз, как она, на коленях,
Тихо, усердно и долго молилась,— кому? —
неизвестно!..
Созвали мы стариков и родных для совета;
решили...»

ВАЛЕРИК

Я к вам пишу случайно; право
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, боже правый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, всё равно.
И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.

Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разuverяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок;
Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!
Во-первых потому, что много,
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаяньи бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум младых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.
И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказание?
Не всё ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе как турок иль татарин
За всё я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их пророка
Невольнo сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Всё, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью ...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве,
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз,
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине

В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам;
И вижу я неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету наговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.

Чу — дальний выстрел! прожужжала
Шальная пуля... славный звук...
Вот крик — и снова всё вокруг
Затихло... но жара уж спала,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. Где вторая рота?
Что, вьючить? — что же капитан?
Повозки выдвигайте живо!
Савельич! Ой ли — Дай огниво! —
Подъем ударил барабан —
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показалися значки
Там на опушке — два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет — где отважный?
Кто выдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий дым...
Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен!.. — Ничего, безделка...
И завязалась перестрелка...
Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовались на них,
Без кровожадного волненья,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,

Каких у вас на сцене нет...
Раз — это было под Гихами,
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживились леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов [вы]носят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Всё тихо — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблестало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь всё спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Не долго длилось оно,
Но <в> этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат рядами
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... В штыки,
Дружнее! раздалось за нами.
Кровь загорелась в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
Ура — и смолкло. — Вон кинжалы,
В приклады! — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили

Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.
На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выражение лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...
Спасите, братцы. — Тащат в горы.
Постойте — ранен генерал...
Не слышат... Долго он стонал,
Но всё слабей и понемногу
Затих и душу отдал богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый
Им вслед смотрел <я> недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой: я его спросил,

Как месту этому названье?
Он отвечал мне: Валерик,
А перевесь на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми.
— А сколько их дралось примерно
Сегодня? — Тысяч до семи.
— А много горцы потеряли?
— Как знать? — зачем вы не считали!
Да! будет, кто-то тут сказал,
Им в память этот день кровавый!
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.
Но я боюсь вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденьи?
Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив. А не так? —
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..

ПЕРЕЧЕНЬ РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андронников И.Л. Лермонтов: Исследования и находки. — М., 1977.
2. Афанасьев В.В. Лермонтов. — М., 1991.
3. Вацуро В. О Лермонтове. — М., 2008.
4. Коровин В.И. М.Ю. Лермонтов в жизни и творчестве. — М., 2008.
5. Лермонтовская энциклопедия. — М., 1981.
6. М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. — М., 1989.
7. Скабичевский А.М. М.Ю.Лермонтов//Державин. Жуковский. Лермонтов. Тургенев. Лев Толстой: биографические повествования. — Челябинск, 1996. (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Флорентия Павленкова; Т. 11 (Биографическая серия, 1К60—1915).

**ДОКУМЕНТ ПОДПИСАН
ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСЬЮ**

СВЕДЕНИЯ О СЕРТИФИКАТЕ ЭП

Сертификат 603332450510203670830559428146817986133868576030

Владелец Михалев Андрей Павлович

Действителен с 10.03.2022 по 10.03.2023